С.В. КОРОЛЕВ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В ФОКУСЕ ТЕОРИИ ПРАВА

Монография

ЮСТИЦ ИНФОРМ

Сергей Викторович Королев

Краткая история экономических учений в фокусе теории права

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27443187
Краткая история экономических учений в фокусе теории права: монография /С.В. Королев.: Юстицинформ; Москва; 2017
ISBN 978-5-7205-1398-6

Аннотация

В монографии с позиций теории права предпринята попытка проанализировать и обобщить эволюцию основных школ и направлений экономической науки. Особое внимание уделяется соотношению базовых принципов права (принцип равенства, принцип справедливости, принцип правового государства) и основных постулатов классической экономической науки (принцип саморегуляции рынка, принцип свободы предпринимательства и т.п.). Автор приходит к выводу, что базовые принципы права более соотносимы с неортодоксальными экономическими учениями (марксизм, институционализм), чем с господствующими догмами «экономикс».Книга предназначена для студентов и аспирантов, изучающих право, экономику и социологию.

Содержание

Введение 6
Раздел I 12
Глава 1 12
§ 1. Меркантилисты Англии и Франции как финансисты par excellence 12
§ 2. Финансово-правовая концепция Уильяма Петти 21
§ 3. Камералистика – наука о публичных финансах в Германии и Австрии 32
§ 4. Финансово-правовые аспекты учения Пьера Буагильбера 43
§ 5. Школа физиократов и ее значение для теории публичного права 49
§ 6. Теория ценности Этьенна Кондильяка 71
Конец ознакомительного фрагмента. 75

С.В. Королев
Краткая история экономических учений в фокусе теории права. Монография

S.V. Korolev

SHORT HISTORY OF ECONOMIC DOCTRINES INTHE FOCUS OF LEGALTHEORY

Monograph

Moscow
YUSTITSINFORM

Korolev S.V.
Short history of economic doctrines in the focus of legal theory: monograph / S.V. Korolev. – M.: Yustitsinform, 2017. – 464 p.

The monograph deals with evolution of basic schools of economic thought as contrasted with legal theory. Special

attention is given to confrontation of basic legal principles (equality, justice, rule of law) with leading dogmas of classical economic theory (market self-adjustment, freedom of enterprise, etc.). The author concludes that the basic legal principles are more correlated with non-orthodox economic teachings (Marxism, Institutionalism) as compared with dominant dogmas of «economics».

The book is intended for students and postgraduates studying law, economics and sociology.

Key words: economic theory, legal theory, basic principles of law, equality, justice, rule of law principle, market self-adjustment, freedom of enterprise, nonorthodox economic doctrines.

© LLC «Yustitsinform», 2017

Введение

Ученые – это люди, имеющие е голове метафизические идеи, которые ими либо скрываются, либо нет. Одни из них в глубине души хотели бы проверить существование Бога, а другие желали бы, напротив, удостовериться, что Бога не существует. Одни хотели бы утвердиться в признании детерминизма, другие, наоборот, удовлетворились бы сознанием, что миром правит случай. Каждый сходит с ума по-своему, у каждого есть своя идея-фикс, и согласно этому каждый производит свои собственные теории.

И. Морин (Morin E. Science et Conscience de la complexité)

Статус экономической науки как «царицы» общественных дисциплин неэкономистами обычно воспринимается как аксиома. Престиж экономической науки высок не только в рамках научного сообщества, еще выше этот авторитет среди профессиональных политиков, от которых зависит жизнь, а простых граждан. Однако автор этих строк ставит под сомнение научный смысл термина «экономическая наука», по крайней мере в единственном числе.

Дело в том, что под аморфную вывеску «экономическая наука» можно подвести несовместимые концепции: например, монетаристскую традицию в духе Чикагской школы и концепцию национального дивиденда Клиффорда Дугласа.

Внутри ортодоксального сообщества «ученых-экономистов» проблема решается просто: все неортодоксы либо игнорируются, либо оказываются объектами насмешек. Все это заставляет так или иначе оглядываться на постулаты т. н. классической экономической теории, когда речь заходит о вопросах экономического порядка. Как раз один из таких «вопросов» в значительной степени представляют собой публичные финансы, рассматриваемые с точки зрения теории публичного права или – в конечном итоге – в контексте теории неотчуждаемых прав человека.

Для *ортодоксальных* экономистов – за редким исключением – вообще не существует независимой (от экономики) юридической проблематики. Для них существует лишь экономическая рациональность, или целесообразность. Впрочем, бывают крайне продуктивные исключения. Достаточно в этой связи упомянуть эпохальный труд институционалиста Джона Коммонза «Правовые основы капитализма»[1]. Но с другой стороны, Коммонза лишь с натяжкой можно отнести к экономической ортодоксии. Для него юридическая практика чисто объективно, через свои конвенционные, нормативные характеристики, оказывает определяющее влияние на пути развития капитализма. К сожалению, подобный подход не разделяется экономической ортодоксией.

Более того, некоторые ортодоксы стремятся *все* (sic!) социальные науки, включая право, свести к системе экономи-

---

[1] Commons J. R. Legal Foundations of Capitalism. N.Y: Macmillan, 1924.

ческих категорий и фикций вроде *homo oeconomicus*, принципа «предельной полезности» и т. п. Это симптоматическое явление внутри самой экономической науки получило название **«экономический империализм».**

Речь идет об экономической школе, которая стремится маргинализовать остальные области не только экономического, но вообще социального знания. К счастью, экономисты – люди очень разнообразные, поэтому некоторые из них рассматривают «достижения» экономического империализма в терминах психиатрической больницы[2]. Экономический империализм тем более опасен, что он способен незаметно привести к дезориентации представителей других социальных наук, прежде всего юристов, которые под гипнозом экономических принципов порой утрачивают собственные юридические ориентиры.

Общая, или сквозная, методология данной монографии предполагает, прежде всего, *контекстуальный* подход, характерный для американского прагматизма и предполагающий принципиальный отказ от следования предзаданным принципам и аксиомам. Это, впрочем, не означает претензию автора на стерильную объективность и отсутствие каких-либо нормативных установок. Указанный контекстуальный подход принял форму того, что можно определить как *персоналистский* метод. Это означает, что исследование по-

---

[2] См. пародию на экономический империализм в работе А. Блайндера «Экономическая теория чистки зубов»//THESIS. 1994. Вып. 6.

строено как своеобразный каталог персоналий, в котором представлены, на наш взгляд, наиболее значимые для экономической науки *мыслители*, а не отдельные (деперсонифицированные) экономические *проблемы.*

Обращению к такому методу вызвано тем обстоятельством, что в творчестве большинства корифеев экономической науки очень сложно отделить строго экономические воззрения от политических, социальных и, самое главное, мировоззренческих установок. Разумеется, такая направленность монографии сильно релятивирует самостоятельность экономической теории, стирая грани между нею и другими общественными науками. Однако, строго говоря, персоналистский метод не является чем-то абсолютно новым. Его можно рассматривать как разновидность *идеографического* метода, разработанного представителем неокантианства Генрихом Риккертом специально для гуманитарных наук.

Среди авторов, представленных в рамках первого раздела, следует выделить труды *меркантилистов* (В. Петти, П. Буагильбер), *классиков* (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус). Второй раздел представлен трудами *диссидентов* (Ж. Ш. Сисмонди, К. Сен-Симон, П. Ж. Прудон), *«научных социалистов»* (К. Родбертус, К. Маркс) и *маржиналистов* (Г. Госсен, Л. Вальрас, К. Менгер. А. Маршалл). Следует отметить, что данный выбор во многом предопределен каталогами традиционных учебников по истории экономической

мысли. Особое значение при работе над первым разделом имели учебник по истории экономической мысли под редакцией В. С. Автономова и др., учебник Я. С. Ядгарова и классический труд французских экономистов Ш. Жида и Ш. Риста «История экономических учений». Большую роль при подготовке монографии сыграли также индивидуальные и коллективные монографии современных экономистов, посвященные анализу эволюции экономической мысли. Здесь следует отметить таких исследователей, как М. Блауг, М. Добб, Э. Стрейсслер.

Меньше в экономической науке разработана проблематика третьего раздела, где рассматриваются гетеродоксальные учения, т. е. «отреченная литература», так или иначе призывающая к смене экономической парадигмы. Здесь, строго говоря, заканчивается территория «экономике» и начинается «ничейная зона» между экономической наукой, социологией, политологией и юриспруденцией.

В рамках третьего раздела автор исследования рассматривал работы Г. Джорджа, С. Гезелля, Р. Гольдшайда, К. Дугласа, труды основателей институционализма Т. Веблена и Д. Коммонза и концепцию конвенционной экономики Д. М. Кейнса. Учение последнего автора уже *post mortem* против его воли было «интегрировано» в экономический *mainstream.* Однако мы не думаем, что Кейнс является представителем экономической ортодоксии, т. е. «кейнсианцем» в духе профессора Хикса. Более того, среди экономистов

Кейнс – один из наиболее *юридических* мыслителей. Здесь с ним может поспорить только упомянутый выше Джон Коммонз.

При рассмотрении многих проблем экономической мысли автор исследования затрагивает различные вопросы теории права, истории государства и права, а также теории конституционного и административного права. Здесь автор исследования опирался на труды таких зарубежных и отечественных ученых, как С. А. Авакьян, А. С. Автономов, И. А. Бачило, А. Б. Венгеров. Г. А. Гаджиев, Г. Еллинек, О. фон Гирке, В. Г. Графский, В. Е. Гулиев, Х. Кельзен, С. А. Комаров, М. А. Краснов, П. Лабанд, Е. А. Лукашева, В. И. Лысенко, А. В. Малько, Л. С. Мамут, Н. И. Матузов, М. Н. Марченко, В. С. Нерсесянц, А. В. Оболонский, Б. А. Страшун, Б. Н. Топорнин, Т. Я. Хабриева, Ю. Хачек, А. И. Черкасов, В. Е. Чиркин, Ю. Л. Шульженко.

Раздел I
Меркантилисты и классики

Глава 1
Эпоха меркантилизма и физиократы

§ 1. Меркантилисты Англии и Франции как финансисты par excellence

Историю ортодоксальной экономической науки в известном смысле можно рассматривать как опыт теоретического преодоления меркантилизма, по крайней мере вплоть до т. н. кейнсианской революции, которая в какой-то степени представляет собой рецепцию меркантилистского наследия. От экономической *науки* необходимо отличать экономическую *политику*, которая тесно переплетается с политикой в области финансов. Можно утверждать, что у экономической и финансовой *политики* всегда были некие общие ориентиры, нередко независимые от постулатов экономической *науки*.

Без особого преувеличения можно утверждать, что финансовая политика – в той или иной степени – всегда пред-

ставляла собой практический меркантилизм, в то время как экономическая наука со времени физиократов и вплоть до маржиналистов отстаивала идеалы свободной торговли. Лишь кейнсианская революция сильно поколебала идеал фритредерства, но это произошло как раз потому, что Джон М. Кейнс не скрывал своих симпатий к меркантилизму и в своем творчестве соединил прежде несводимые традиции: (1) цели и задачи меркантилизма и (2) постулаты классической политической экономии.

Меркантилизм возник в Англии, Италии и Франции в эпоху становления национальных государств (XVI в.) и «первоначального накопления капитала» (К. Маркс). Ранний меркантилизм представлял собой светскую идеологию, направленную на преодоление господствующих религиозных представлений в области хозяйственной деятельности. В немецкоязычных странах аналогичная идеология возникла несколько позднее (XVII в.) и развивалась в рамках т. н. камералистики (см. ниже). По мнению меркантилистов – как ранних, так и поздних – целью хозяйственной деятельности является торговая прибыль (итал. *mercante* — «торговец»). Соответственно, хозяйственные интересы каждого государства сводятся к тому, чтобы посредством внешней торговли обеспечить преобладание вывоза товаров над ввозом. В результате в государственной казне образуются и наращиваются денежные остатки в виде золота и серебра.

Отсюда *золотое правило* раннего меркантилизма: всяче-

ски поощрять экспорт и стеснять импорт. При этом производство товаров на экспорт поощряется не ради самого производства, а для максимизации доходов государства от возрастающих объемов экспортных пошлин. Соответственно, импортные пошлины в эпоху раннего меркантилизма выполняют в основном фискальную функцию. Лишь в эпоху развитого меркантилизма импортные пошлины стали по преимуществу выполнять протекционистскую функцию. Как видим, идеология меркантилизма неизбежно приводит к протекционизму. Однако при этом целью защиты является национальное богатство, понимаемое как золото и серебро, хранящееся в государственной казне. Защита отечественного производителя является лишь субсидиарным средством для должной наполняемости казны. Только в этом ракурсе следует понимать таможенные барьеры и государственную поддержку экспортных отраслей национальной промышленности.

Меркантилисты импонируют прямотой и ясностью своих принципов. Они не скрывали, что целью внешней торговли является неэквивалентный обмен, так как, по их мнению, только таким способом можно обеспечить приумножение общественного богатства. Для меркантилиста прибыль от внешней торговли является как бы суррогатом военной добычи – более предсказуемым в отношениях между «цивилизованными государствами», чем результаты открытого военного столкновения. Меркантилизм вообще можно рас-

сматривать как идеологию торговой войны. Однако знаменитый принцип «разори соседа» является не столько проявлением имманентной меркантилизму агрессивности, сколько средством накопления национальной казны для осуществления публичных интересов, в частности для оплаты всевозможных общественных работ.

Нельзя согласиться с тем, что, сосредоточив экономический анализ на сфере обращения, меркантилисты делали это «в отрыве от проблематики сферы производства»[3]. Другое дело, что сфера производства интересовала меркантилистов лишь косвенно, а именно как сфера, должная, в конечном итоге, обеспечить прирост прибавочного продукта, способного циркулировать в сфере обращения. При этом меркантилистская политика поддерживала внутреннее производство следующими косвенными методами: 1) закупка за рубежом дешевого сырья для развития мануфактурного производства внутри страны; 2) протекционистские тарифы на ввозимые товары, могущие составить конкуренцию продукции отечественных мануфактур; 3) поощрение роста населения.

Последний пункт следует рассмотреть подробнее, так как он представляет особый интерес для теории права и правовой политики. Для успешной внешней торговли, как известно, особое значение имеет конкурентоспособность национальных товаров. В свою очередь, конкурентоспособность напрямую зависит от более низкого, чем у конкурентов,

---

[3] ЯдгаровЯ.С. История экономическихучений. М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 65.

уровня издержек производства. Последние же можно удерживать на низком уровне прежде всего за счет минимизации издержек на заработную плату. Отсюда «многие меркантилисты считали желательным, чтобы население было одновременно *многочисленным* и *бедным*»[4].

По мысли меркантилистов, экспортные отрасли промышленности всегда должны иметь избыток того, что Маркс позднее назовет «резервной армией труда». Поскольку не все рабочие руки могут быть заняты на производстве экспортной продукции, весь остаточный контингент трудовой армии должен быть задействован на общественных работах. Как разновидность демографической политики поздний меркантилизм интересен тем, что совмещает в полицейском праве меркантилистского государства задачи экономические, правоохранительные и социальные.

Так, избыток рабочей силы косвенно стимулирует конкурентоспособность экспортных отраслей национальных мануфактур. Организация общественных работ для избыточных рабочих решает правоохранительную задачу, т. е. обеспечивает должный порядок и общественную безопасность. Другими словами, общественные работы – приемлемая альтернатива социально опасной праздности «черни». В то же самое время организация общественных работ решает и социальную задачу, т. е. обеспечивает выживание той части низ-

---

[4] История экономическихучений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: Инфра-М, 2003. – С. 36.

ших сословий, которая образует резервную армию труда.

Важной теоретической проблемой меркантилизма являлся вопрос о функции денег. Ранние меркантилисты были склонны отождествлять деньги с функцией накопления, наращивания богатства. Такая концепция на практике не только вела к иммобилизации значительных финансовых ресурсов в виде золота и серебра, но и препятствовала внутреннему экономическому росту. Поэтому поздние меркантилисты, прежде всего в Англии, пришли к выводу о том, что главной функцией денег является функция обращения. Торжеству этой идеи во Франции воспрепятствовали стойкие традиции кольбертизма – французской версии меркантилизма.

Можно утверждать, что английская и французская школы меркантилизма заложили основы того, что позднее стали называть, соответственно, «английским» и «французским» путями капитализма. Так, всемирно известный писатель и менее известный меркантилист Д. Дефо (1660–1731 гг.) отстаивал концепцию расширения сферы обращения посредством расширения *внутреннего* рынка товаров *массового* потребления. Напротив, суперинтендант финансов французской короны Жан Баптист Кольбер (1619–1683 гг.) систематически ужесточал налоговое бремя на фермеров в целях мобилизации финансов для стимуляции производства *элитарных* товаров на *экспорт*. По мнению многих историков, именно узость внутреннего рынка предопределила относи-

тельное отставание Франции от Англии в период перехода от феодализма к капитализму.

Как видим, английские меркантилисты вплотную подошли к проблематике внутреннего спроса. Они впервые в Европе подвергли сомнению до тех пор непреложную аксиому раннего меркантилизма о том, что денежная масса сама по себе должна представлять ценность, т. е. монеты должны быть непременно из золота или серебра. Английские меркантилисты полагали, что приемлемой заменой золотых и серебряных монет могут стать банковские билеты. В результате в 1698 г. Чарльз Монтагю, тогдашний лорд казначейства, принял проект некоего банкира Вильяма Паттерсона о создании «фонда для вечного процента», или – что то же – Банка Англии. Лорд казначейства пошел на этот шаг, разумеется, при полной поддержке нового короля, голландца по происхождению, который после Славной революции 1688 г. занял английский престол под именем Вильгельма III.

В начале своего правления новый король был больше всего озабочен тем, в какой степени Англия, править которой его пригласили, сможет помочь его континентальной родине в войне против Франции. Ясно, что состоятельные англичане не торопились поддерживать континентальные амбиции своего нового короля. В этих условиях абсурдные трансграничные планы Вильгельма III нашли достойную «пару» в не менее абсурдном проекте Вильяма Паттерсона конституировать в Англии постоянный национальный долг.

По плану Паттерсона английское правительство навсегда превращалось во внутреннего должника с условием, что правительство никогда не будет возвращать национальный долг, но будет его только обслуживать, т. е. выплачивать проценты.

При этом Паттерсон согласился обеспечить короля золотом и достаточным количеством билетов из своего банка под согласие монарха считать Паттерсона «единственным банкиром Казначейства»[5].

Английский Банк является живым воплощением того, как абсурдные проекты со временем становятся банальными социальными институтами, не подлежащими сомнению. Но каким бы «нормальным» ни казался проект Английского Банка лорду казначейства Чарльзу Монтагю и экстравагантному голландцу, ставшему английским королем, «обычного благоразумного предпринимателя тех дней он не мог не поразить своей дерзостью, граничащей с абсурдом»[6]. Впрочем, здравомыслящему человеку и теперь трудно уразуметь логику правила, закрепленного в уставе Банка Англии: *"The bank of England hath benefit on the interest on all monies which it creates out of nothing"* («Банк Англии обладает правом на процент со всех денег, которые он создает из ничего»)[7].

---

[5] Rowbotham M. The Grip of Death: a Study of Modern Money, Debt Slavery and Destructive Economics. Charlbury: J. Carpenter, 1998. – R 189.

[6] Giuseppi J. The Bank of England. Chicago: H. Regnery Co, 1966. – P. 9.

[7] Rowbotham M. Op. cit. – P. 189.

Поздние меркантилисты были прагматиками, а не кабинетными учеными: функция денег как средства обращения привлекла их внимание под давлением обстоятельств. В XVII в. стала сокращаться добыча золота и серебра. В результате масса металлических денег не успевала возрастать в соответствии с потребностями промышленности и возрастающего населения. В какой-то степени меркантилисты сами способствовали появлению этой проблемы мерами по стимуляции роста населения и мануфактурной промышленности. В это время банкирское сообщество и пришло к мысли о необходимости учреждения дуальной системы публичных финансов, в которой металлические деньги, находящиеся в обращении, должны служить «обеспечением» для такой же суммы бумажных денег, эмитируемых коммерческими банками и циркулирующими «наравне» с золотыми и серебряными монетами. Разумеется, билеты английских банков не всегда можно было использовать как средство трансграничных платежей для расчетов с иностранными купцами, но британские подданные могли их использовать для внутренних расчетов.

Выводы для теории права и правовой политики

В современной перспективе такой постулат меркантилизма, как поощрение роста населения, можно интерпретировать как совокупность государственных мер, направленных

на *концентрацию* всевозможных товаро- и услугоносителей[8] в наиболее динамичных локалитетах (= «кластерах инноваций»). Разумеется, задача заключается в том, чтобы правильно распределять потоки такой концентрации, предупреждая диспропорции и, быть может, стимулируя появление новых «кластеров инноваций», в том числе и в депрессивных регионах страны.

Достаточная концентрация (услугоспособного) населения, в свою очередь, позволяет учесть другой актуальный императив *позднего* меркантилизма, а именно расширение производства отечественных товаров массового потребления посредством увеличения *емкости внутреннего рынка.*

§ 2. Финансово-правовая концепция Уильяма Петти

Уильям Петти (1623–1687 гг.) среди отцов-основателей английской политической экономии занимает особое место. Трудно точно определить его профессиональный и социальный статус: в разное время он был юнгой, студентом коллежа во Франции, морским картографом, доктором физики и профессором анатомии в Англии, военврачом и землемером

---

[8] В более ранней работе автор этих строк ввел понятие «услугоноситель» для обозначения всех экономически активных контингентов населения (см. Королёв С. В. Антропология основных прав // Человек и право / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1999. – С. 37).

в Ирландии. В конечном итоге именно ирландский опыт по преимуществу лег в основу знаменитого «Трактата о налогах и сборах» (1662 г.).

Петти открывает череду экономистов, исследующих *первопричину* общественного богатства, раскрывающих его скрытую природу, и делает это гораздо ранее физиократов. Если физиократы видели эту первопричину в «чистом продукте» земли, то, по мнению Петти, причина общественного богатства, а также причина его возрастания носит более сложный характер: «труд есть отец и активный принцип богатства, а земля – его мать»[9].

Но это не просто теоретическое убеждение Петти – отсюда он выводит практическую рекомендацию для правительства: «Здесь мы должны напомнить… что государство, увеча и подвергая тюремному заключению своих подданных, *тем самым наказывает само себя.* Поэтому необходимо (поскольку это возможно) избегать накладывать такие наказания и заменять их денежными штрафами, которые *увеличат труд и общественное Богатство* (курсив везде мой. – С. X)»[10].

Таким образом, Петти по праву принадлежит честь создателя знаменитой *трудовой* теории ценности, или стоимости, в ее затратном варианте. Ниже мы увидим, что аббат Конди-

---

[9] Петти В. Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики: в 2 т. М.: Эконов, 1993. Т. 1. – С. 54.

[10] Там же. – С. 54.

льяк спустя столетие будет развивать принципиально иную теорию ценности, а именно *психологическую.* Здесь кроется одна из самых интригующих загадок экономической науки: почему трудовая теория ценности вплоть до маржиналистской революции считалась единственно верной? Впрочем, вопрос о соотношении трудовой и психологической теории ценности мы должны отложить до соответствующей главы настоящего исследования (см. главу о маржиналистах).

Теория богатства Петти имеет четко выраженный *демографический* подтекст. В частности, он предлагает несостоятельных воров присуждать к каторжным работам вместо того, чтобы приговаривать их к смерти. Тогда «их можно заставить трудиться так много и потреблять так мало, как только допускает природа, и благодаря этому мы будем иметь как бы увеличение общества на двух человек вместо сокращения на одного»[11]. Богатый жизненный опыт привел Петти к убеждению, что «редкое население – подлинный источник бедности. Страна, имеющая восемь миллионов жителей, более чем вдвое богаче страны, где на такой же территории живет только четыре миллиона»[12]. В другом месте своего Трактата он опровергает «ошибочное мнение, будто величие и слава государя покоятся, скорее, на размерах его территории, чем на численности, искусности и трудолюбии его народа» [13].

---

[11] Петти В. Указ. соч. – С. 54.

[12] Там же. – С. 24.

[13] Там же. – С. 14.

Интересно, что подчеркивая многочисленность, искусность и трудолюбие населения, Петти не считает необходимым включить сюда такую характеристику, как зажиточность населения. Это тем более странно, что весь трактат Петти посвящен исследованию причин богатства, а не скудости. Богатство кого или *для* кого? Таким образом, «Богатство» Петти, как ранее «Левиафан» Томаса Гоббса (1588–1679 гг.), предстает в виде какого-то мифологического чудовища, призванного устрашать и карать, – это нечто внешнее по отношению к простому населению.

Социальную слепоту и методологическую черствость Петти во многом унаследуют все последующие классики английской политической экономии. Именно поэтому шотландский философ и историк Томас Карлейл (1795–1881 гг.) впоследствии назовет политическую экономию *"dismal science"* (= мрачная наука). Впрочем, о демографическом факторе, точнее о многочисленном и *бедном* населении как одном из факторов возрастания богатства, говорили еще меркантилисты. Оригинальность Петти заключается лишь в том, что он впервые сформулировал идею о том, что недостаток населения как фактор, тормозящий воспроизводство богатства нации, может быть компенсирован средствами (уголовного) права.

Петти представлял процесс возрастания общественного богатства аддитивно, т. е. как процесс прибавления, или последовательного накопления годичных рент. Таким образом,

рента является как бы единицей измерения богатства. К сожалению, **ренту** Петти определяет слишком упрощенно, а именно как «избыток продукта над затратами на его создание»[14]. Процесс образования ренты Петти не столько объясняет, сколько живописует: «Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли. <…> Допустим, что он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года»[15].

Мы видим, что в теории богатства Петти в свернутом виде содержатся две конкурирующие концепции ценности, или стоимости, а именно будущая трудовая теория стоимости Смита – Риккардо и будущая теория факторов производства Ж.-Б. Сэя. Петти везде стремится найти связь между трудом и землей и, кажется, не отдает себе отчета в том, что дуалистический подход не является самым надежным средством для достижения его цели, а именно «раскрытия первопричины» богатства.

Так, Петти заявляет: «Оценку всех предметов следовало

---

[14] История экономических учений / Под ред. В. Автономова… – С. 49.

[15] Петти В. Указ. соч. – С. 31–32.

бы привести к двум естественным знаменателям – к земле и труду; т. е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба – и корабль, и сюртук – произведены землей и человеческим трудом. А раз это так, то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии так же легко сводить один к другому, как пенсы к фунту»[16]. Петти уверен, что труд и земля являются более надежными мерилами продуктов, составляющих общественное богатство, чем пенсы, шиллинги и фунты, но он не может отдать окончательное предпочтение ни труду, ни земле.

Вероятно вслед за Джоном Ло, Петти считал стоимость земли наиболее надежным способом определения любого состояния, включая богатство нации. Отсюда его стремление установить более или менее точное соотношение между годичной рентой и стоимостью земельного участка. Петти задается вопросом, какая же сумма лет и соответствующих годичных рент определяет стоимость земли в Англии? Нельзя не признать, что он весьма остроумно решает эту проблему.

«Мы должны принять более ограниченное число лет, и я думаю, что это такое их число, которое могут рассчитывать

---

[16] Петти В. Указ. соч. – С. 33.

прожить одновременно живущие: человек 50 лет, другой – 28 и ребенок 7 лет, т. е. дед, отец и сын. Немногие имеют основание заботиться о более отдаленном потомстве… Поэтому принимаю, что сумма годичных рент, составляющая стоимость данного участка земли, равна естественной (совместной) продолжительности жизни трех таких лиц. У нас в Англии эта продолжительность считается равной двадцати одному году… Но в других странах стоимость земли приближается больше к 30 годичным рентам вследствие более надежных прав на землю, большей густоты населения и, может быть, более верного представления о стоимости и продолжительности жизни»[17].

Хотя техника, которую предлагает Петти для определения стоимости земли, на первый взгляд, носит искусственный характер, ее нельзя просто отбросить, не предложив ничего взамен. Пока не предложен другой и более социальный способ определения т. н. справедливой, или естественной, стоимости земли, метод Петти имеет право на существование.

Петти, вероятно, был первым автором, который фактически выразил мысль о необходимости резервной армии труда, но не в качестве безработных, а в качестве т. н. сверхсметных людей. При появлении повышенного спроса на труд своеобразные трудовые армии сверхсметных людей рассредоточиваются по соответствующим отраслям народного хозяйства.

---

[17] Петти В. Указ. соч. – С. 34.

В какой-то степени создание трудового резерва, по мысли Петти, должно выполнять также и социальную функцию. Ведь «они могут нищенством и воровством добыть больше, чем им необходимо, что отвратит их навсегда от работы, даже при самой благоприятной возможности, которая может внезапно и неожиданно открыться»[18].

Работа сверхсметных людей должна заключаться в строительстве шоссейных дорог, в расчистке судоходных рек и каналов и превращении несудоходных рек в судоходные, в насаждении парков, садов и лесов из строительных пород деревьев. В качестве пропитания эти люди должны получать «избыточные продукты, которые иначе будут потеряны и истрачены или бесцельно потреблены»[19]. При этом речь не идет об излишествах самих этих людей, удовлетворяться должны лишь их естественные насущные потребности.

Интересно, что Петти допускал даже бесполезный труд как меньшее зло по сравнению с опасной праздностью этих избыточных людей. «Что касается работы этих сверхсметных людей, то пусть лишь она не потребует расхода иностранных товаров, и тогда не имеет значения, употреблена ли она на постройку бесполезной пирамиды на Солсберийской равнине, на переноску камней из Стоунхенджа в Тауэрхилл или на что-нибудь другое в этом же роде; ибо… это приучит сознание этих людей к дисциплине и повиновению,

[18] Там же. – С. 21.

[19] Там же. – С. 21.

а их тела – к выносливости, которая потребуется от них при более полезной работе, когда в ней появится нужда»[20].

Отдельные мысли Петти удивительным образом перекликаются с идеями Бернарда Мандевиля (1670–1733 гг.), который в 1705 г. опубликовал ставшую скандальной «Басню о пчелах». В частности, предвосхищая сатирические образы Мандевиля, Петти не только убедительно, но и остроумно защищает право государства взимать (пропорциональные) налоги. «Люди приходят в негодование при мысли, что собранные [в виде налогов] деньги будут растрачены на увеселения, великолепные зрелища, триумфальные арки и т. п. На это я отвечаю, что такая трата означает возвращение этих денег промысловым людям, занятым в производстве этих вещей. Промыслы эти хотя и кажутся бесполезными… однако работники их немедленно передают полученные деньги людям, занятым в наиболее полезных промыслах, а именно: пивоварам, булочникам, портным, сапожникам и т. п.»[21].

Здесь Петти не только поддерживает мысль Мандевиля, но и фактически ратует за перераспределение богатства по возможности в пользу т. н. промыслов первой необходимости. Другими словами, везде, где возможно, необходимо поддерживать профессии, создающие товары первой необходимости

---

[20] Петти В. Указ. соч. – С. 22.

[21] Там же. – С. 23.

Выводы для теории права и правовой политики

Большое значение для теории публичного права имеет идея Петти о т. н. бесполезных общественных работах (вроде строительства пирамид на Солсберийской равнине и т. п.). Петти убедительно доказывает, что всякий бесполезный, на первый взгляд, общественный труд не является… бесполезным, если только он осуществляется с расчетом на макроэкономический эффект. Даже строительство Солсберийских пирамид в конечном итоге окажется полезным занятием, если при этом будут заняты многие тысячи людей, предоставляющие товары первой необходимости и услуги строителям акцессорно, т. е. только в связи с этим бесполезным строительством. Отсюда следует: одна из целей государственного интервенционизма заключается в том, чтобы посредством любых невредных общественных работ поддерживать – при необходимости – приемлемый уровень экономической активности в масштабах всего народного хозяйства.

Интересна также мысль Петти об особой экономической роли состоятельных сословий, которые как бы поощряются участвовать в «ярмарке тщеславия» посредством совершения показных, или статусных, расходов: «Человек фактически и действительно богат в соответствии с тем, что он ест, пьет, надевает или каким-нибудь другим образом действительно и фактически использует. Те же люди, которые хотя и

имеют достаточно возможностей, но мало пользуются ими, лишь потенциально богаты;…они являются, скорее, управляющими и банкирами других людей, чем собственниками для самих себя. Поэтому мы приходим к заключению, что каждый должен участвовать в государственных расходах в соответствии с тем, что он берет себе и действительно потребляет»[22].

Своими расходами, пропорциональными высоким доходам, состоятельные сословия выполняют важную экономическую функцию, даже если они способны только расточать и роскошествовать. Ведь каждый великосветский кутила своими расходами помогает зарабатывать на жизнь десяткам и сотням хозяйствующих субъектов. Ведь «100 ф. ст., пройдя через сто рук в виде их заработной платы, дают толчок производству товаров на 10 тыс. ф. ст.; эти же руки оставались бы праздными и бесполезными, если бы не было этого постоянного стимула к их использованию»[23].

Наконец, не потеряли своей политико-правовой актуальности рассуждения Вильяма Петти о лотереях. Этот фрагмент трактата заслуживает подробного воспроизведения, ибо он прекрасно характеризует также и ситуацию с «обманутыми вкладчиками» всевозможных финансовых пирамид. «При лотерее люди, как правило…облагают себя налогом, хотя и надеясь получить специальную выгоду. Лотерея по-

---

[22] Петти В. Указ. соч. – С. 74.

[23] Петти В. Указ. соч. – С. 26.

этому есть, собственно говоря, налог на несчастливых самонадеянных глупцов… Однако поскольку мир изобилует такого рода дураками, то неудобно, чтобы всякий, кто захочет, обманывал бы всякого, кто захочет быть обманутым. Напротив, правильно будет, если государь возьмет под свою опеку этих дураков, как это имеет место с лунатиками или идиотами…»[24]. Действительно, не только глупо, но и немилосердно со стороны государственной власти отдавать потенциальным мошенникам деньги «несчастливых глупцов», если деньги, полученные от государственных лотерей, можно обратить на публичные нужды.

§ 3. Камералистика – наука о публичных финансах в Германии и Австрии

На европейском континенте, прежде всего в Германии, родоначальниками науки о финансах были камералисты, т. е. ученые по «казначейскому ведомству». Их нельзя назвать специалистами или экспертами в современном смысле, так как они были родоначальниками не только теории и практики финансово-хозяйственного администрирования, но и полицейского (т. е. нынешнего административного) права. Таким образом, камералистику можно определить как отрасль «административного управления, которая ведает хозяйством и задается целью обеспечить народу матери-

[24] Там же. – С. 50–51.

альное благополучие, «курицу в горшке» Генриха IV[25].

Камералисты были прежде всего прагматиками. Гораздо раньше Маркса, хотя и на иной манер, они отстаивали принцип единства теории и практики. Другими словами, они становились теоретиками лишь ввиду практической надобности, а не из любви к чистой науке. Строго говоря, камералистика представляла собой разновидность финансовой политики, т. е. совокупности правил об искусстве управления.

Камералистика достигла своей вершины в трудах двух ученых: Юсти и Зонненфельса. В своей первой главной работе «Государственное хозяйство» (1755 г.) Юсти понимает под «камералистикой» учение о «разумном использовании государственного имущества»[26]. Зонненфельс в своем труде «Принципы полиции, управления и финансов» (1765 г.) определяет «камералистику» как «собранные продуманные принципы, по которым наивыгоднейшим способом взимаются государственные доходы»[27]. На первый взгляд, оба корифея камеральной науки Германии XVIII в. безнадежно устарели как раз ввиду банальности их базовых постулатов. Однако на более тщательную поверку камеральная банальность оказывается содержательней иных современных моно-

---

[25] Жид Ш., Рист Ш. История экономическихучений. М.: Экономика, 1995.– С. 18.

[26] Gerloff W. Grundlegung der Finanzwissenschaft // Handbuch der Finanzwissenschaft: in 2 Bden / Hrsg. W. Gerloff u. Fr. Meisel. Tübingen: Mohr, 1926. Bd. 1. – S. 10.

[27] Gerloff W.Op.cit.-S. 10.

графий, посвященных проблемам финансов.

Например, в том, *как* Юсти характеризует природу финансового права, важен не только смысл, но и *стиль* изложения: «Согласно первому основному правилу финансовых законов, необходимо *таким* образом *взимать пользования* (Nutzungen erheben) из *общего* и *особенного имущества* государства, чтобы через это не уменьшилось само это имущество *или* будущие государственные поступления (курсив везде мой. – С. *К.)*»[28].

С первого взгляда мы отмечаем экспансионистский характер камеральной науки: союз «или» в приведенной цитате имеет альтернативный, а не дизъюнктивный смысл. Другими словами, «пользования» из имущества государства не должны сокращать ни само это имущество, ни любые будущие поступления в государственную казну. Впрочем, следует отметить, что для камералистов финансовая система государства объединяла одновременно цель, механизм и продукт частного владения государя.

В Германии и Австрии камералистика преследовала не столько научный («поиск истины»), сколько управленческий и отчасти политический интерес. В рамках единого имущества государя камералистика выделяла два *разных* режима управления этим имуществом. Этот юридический дуализм камералистики иногда даже воспринимался как ее главная

---

[28] Justi. Natur und Wesen der Staaten als die Quelle aller Regierungswissenschaften und Gesetze. Mitau: Steidel, 1771. – S. 555.

характеристика. Так, поздний камералист Юнг в 1779 г. определял камералистику как совокупность доктринальных «правил, по которым приобретаются доходы князя и государства и применяются к наибольшей пользе обоих»[29].

Как бы то ни было, для поздних камералистов финансовая наука представляла собой «дисциплину, ориентирующуюся на частное хозяйство»[30]. Отсюда мы можем сделать вывод, что понятия «приватизация» и «камеральная наука» вполне совместимы, однако совсем не в духе современных приватизаций государственного имущества. Для камералистов, особенно для Юсти, «приватизация» означала не освобождение государства от финансового бремени в пользу частных лиц, а его усиление посредством увеличения активов имущества конкретного государя.

У беспристрастного читателя воззрения Юсти могут вызвать закономерный риторический вопрос: «Как случилось, что идеология богатого государства, которая составляла часть камералистики, уступила место господствующей до сих пор идеологии *бедного* государства, или государства-должника?» Здесь следует помнить о том, что меркантилизм вообще и камералистика в частности представляли собой разновидность *раннебуржуазной* идеологии. Какие особые обстоятельства способствовали тому, что раннебуржуазная идеология сильного государства практически без

---

[29] Gerloff W. Op. cit. – S.6.

[30] Gerloff W.Op.cit. —Э. 1.

боя уступила место буржуазно-либеральной концепции слабого государства, которому оставили только функцию «ночного сторожа»? Ответы на эти непростые вопросы мы постараемся дать во втором разделе данного исследования.

Но уже сейчас мы можем выдвинуть следующую рабочую гипотезу: одной из причин бедственности государственных финансов едва ли не по всему современному миру является то обстоятельство, что нынешние государства, как правило, не имеют никакого имущества, ни «общего», ни «особенного». Но это только часть проблемы: предположим, что руководители современных государств озаботилось приобретением имущества. Тут же возникают нетривиальные вопросы: что должно входить в общую, а что – в особенную часть такого имущества? Что означают «пользования» этим имуществом и как их следует «взимать», чтобы не поставить под угрозу возрастание публичных доходов? Отделимы ли будущие поступления в казну от наличного государственного имущества, т. е. могут ли первые нарастать независимо от последнего и т. п.?

Глагол «взимать, вчинять, кассировать» (*erheben*) в современной Германии часто используется в сочетании с понятием «налоги», например «взимать налоги» (*Steuern erheben).* Впрочем, мы можем сказать, что налоги следует «взимать» таким образом, чтобы повышать их доходность. Так, снижая налоговую ставку, государство приобретает некоторых новых налогоплательщиков, «выходящих из тени».

Однако для Юсти «взимать, кассировать или вчинять пользования» означало нечто другое: он подразумевал *положительные, активные* меры государственной власти. Эти меры *непосредственно* преследуют цель увеличения доходности *государственного* имущества как раз для того, чтобы у государственного фиска не было необходимости обременять *частных* лиц. Что касается современного налогового права, то оно может лишь *пассивно*, посредством отказа от какой-то доли нынешних поступлений в государственную казну, облегчить экономическое положение отдельных категорий налогоплательщиков. Итак, лишь *косвенно*, посредством добровольного самоограничения, налоговое право может содействовать увеличению доходности *частного* имущества. Налоговое право – это нельзя серьезно оспорить – не имеет инструментов *прямого* увеличения имущества подвластных физических и юридических лиц.

По аналогии, если кто-то простил мне долг, то он меня, разумеется, облагодетельствовал, он не разорил меня, не сделал меня беднее и т. п., но он не сделал меня и богаче. Однако налоговое право – весьма дискуссионный инструмент даже как средство для самопомощи, т. е. начальной поддержки тех, кто затем уже будет поддерживать себя сам. Например, энергичному, рациональному, но очень бедному предпринимателю бывает очень трудно вырваться из порочного круга безденежья лишь при помощи «налоговых каникул». Самоограничения налогового аппетита со стороны государ-

ства обычно недостаточны, часто нужна *положительная* финансовая поддержка.

Впрочем, нельзя оценивать камералистику с точки зрения современного социального государства западноевропейского типа. Попытка признать камералистов защитниками социальной (распределительной) функции финансов было бы явной фальсификацией исторической правды. Сам Юсти недвусмысленно отмечал: «Принципы и правила государственных затрат и расходов в тесном смысле не являются частью финансовой системы [kein Teil des Finanzwesens]»[31]. Распределение интересовало камералистов лишь как элемент оптимизации «состояния счастья» (*Glückseligkeit*). Последнее, согласно Юсти, является сложным, агрегированным состоянием. В нем по необходимости находятся все, иначе нельзя обеспечить оптимальное функционирование государства.

«Состояние счастья» как публично-правовая норма является, на наш взгляд, особой характеристикой камералистики, приближающей ее к экономическому учению Аристотеля и отстраняющей ее не только от французского кольбертизма, но и британского меркантилизма. В некотором смысле камералистику можно рассматривать одновременно как прикладную теорию (финансовых и «полицейско-охранительных») прав человека и как предшественницу экономической солидарности. Однако здесь не все так безоблачно.

---

[31] Gerloff W.Op.cit.-S. 12.

Так, трудно сомневаться в истинности известной максимы И. В. Гете (1749–1832 гг.): *„Dem Klugen kommt das Leben leicht vor, wenn dem Toren schwer, und oft dem Klugen schwer, dem Toren leich“*[32]. В неуклюжем по стилю, но точном по смыслу переводе эта максима будет звучать так: «Когда умному жизнь кажется легкой, дураку она тяжела, и часто жизнь кажется умному тяжелой, в то время как дураку – легкой». В обобщенном виде назидание этой максимы можно сформулировать следующим образом: «У дураков и умных разное мироощущение: то, что дурак воспринимает с благодарностью, может оказаться нетерпимым для умного, и наоборот, что нравится разумному человеку, то для дурака – страшное мученье».

Один из частных примеров этой житейской мудрости задолго до Гете подметил Вильям Петти (1623–1687 гг.) (см. выше). Ему принадлежит следующая житейская мудрость: «Ни один человек, не желающий упражнять руки (т. е. боящийся труда – С. *К.),* не способен перенести мучения ума, вызываемые большими размышлениями»[33]. Продолжая мысль Петти в гетевском контексте, можно сказать, что человек умен ровно настолько, насколько он счастлив в нахождении или создании ситуаций для ежедневного упражнения своего разума. Дурак, напротив, счастлив лишь в том слу-

---

[32] Goethe J. W. Werke in 12 Bänden. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. 7-ter Band. – S. 530.

[33] Петти В. Указ. соч. – С. 25.

чае, если ему удалось избежать всякого интеллектуального напряжения.

Нет оснований полагать, что процент дураков среди состоятельных классов гораздо ниже, чем среди менее удачливых групп населения. Следовательно, можно предположить, что большинство состоятельных граждан избегают рассудительного образа жизни. Они даже не догадываются о том, что богатство как личная характеристика не может существовать во враждебном окружении. Богатство как социальный фактор, т. е. надежный и гарантированный социальный институт, представляет собой лишь *элемент* в *структуре* социальных связей. Иначе говоря, богатство тем «богаче» и мощнее, чем активнее оно вторгается в окружающую социальную среду, т. е. переплескивается в *еще не богатое* социальное окружение. Но такое мироощущение порой стимулирует раскол внутри самого состоятельного класса между рациональным меньшинством и потребительским большинством, между теми, кто готов делиться, и теми, для которых богатство – это прежде всего особый режим социальной самоизоляции.

Это, в частности, является аргументом в пользу того, что разум и глупость не являются социальными или классовыми характеристиками и многие беды, в том числе и финансового права, происходят от того, что разумные люди обычно разобщены перегородками идеологий, личных амбиций, второстепенных интересов. Они становятся заложниками господ-

ствующей тотальной глупости, не знающей разделения на «богатых и бедных», «левых и правых», ибо главная «задача» глупого человека не меняется в зависимости от перемены его социального статуса, места жительства, круга общения. Эта задача всегда одна и та же – избежать скуки своего бесцельного существования, не применяя при этом никакого интеллектуального усилия.

Как бы то ни было, по мысли камералистов, каждый на свой лад должен быть приобщен к «состоянию счастья»: и государев двор, и социальные институты (например, семья), и государственные структуры (например, публичная администрация), и отдельные подданные. При этом камералистика (как политика, а не как искусство) не вдается в детали. Камералистика в политическом и управленческом смысле представляет собой практический холизм (= совокупность мер, направленных на поддержание целостности), поскольку реципиенты благосостояния «не должны выделяться, а рассматриваются как части целого»[34].

Выводы для теории права и правовой политики

Особый интерес представляет общее правило камералистики о том, что публичные финансы являют собой объект *государственного управления*. В современной термино-

[34] Musgrave R. Public Finance and Finanzwissenschaft: Traditions Compared // Finanzarchiv. 1996/97. Band 53. Heft 2. – S. 150.

логии этот тезис можно переформулировать в том смысле, что управление финансами являются частью (особенного) административного права. При этом центр тяжести такого управления сосредоточен в части управления государственными *расходами.*

Вместе с тем камералисты всегда придерживались того мнения, что государственными *доходами* следует управлять, используя принципы и методы *частного* хозяйства. В современной терминологии это означает, что государственными финансами следует управлять так же, как менеджер управляет финансами частной компании: постоянно максимизировать доходы компании и в то же время минимизировать ее расходы.

Камералисты, будучи практическими холистами, предвосхитили некоторые идеи теории систем (в частности, тектологии А. Н. Богданова). Другими словами, они отчетливо понимали, что финансы должны применяться таким образом, чтобы препятствовать социально-политической поляризации общества и развитию диспропорций, неприемлемых для целостности государственной жизни. Состояние счастья, или *Glückseligkeit*, не может быть исключительно *индивидуальным,* поскольку его нельзя приватизировать. Его нельзя отнять у других с целью максимизации *личного* блаженства. Указанное состояние носит сопричастный характер и может возникнуть лишь как холическая, т. е. социальная структура.

Невозможно отдельному человеку получать действительное удовольствие от жизни, если вокруг него преобладает нищета, угрюмые лица и социальная неустроенность. Отсюда следует, что одна из задач управления финансами состоит в том, чтобы с финансовой стороны помогать развитию инфраструктуры общественного благосостояния.

Как частный случай вышесказанного можно выделить следующий принцип управления общественным богатством. Он заключается в том, чтобы постоянно расширять и плотнее структурировать пространственную и социальную периферию состоятельных классов, используя для этого также средства и институты публичного финансирования. Другими словами, состоятельные слои общества сами заинтересованы в том, чтобы у них были точки соприкосновения в социальном и культурном плане с менее удачливыми слоями общества.

§ 4. Финансово-правовые аспекты учения Пьера Буагильбера

Отцом-основателем классической политической экономии во Франции является Пьер Буагильбер (1646–1714 гг.), а не «французский ирландец» Ричард Кантильон и не физиократы, как может показаться на первый взгляд. Нормандский судья Буагильбер был резким противником кольбертизма, который представлял собой французскую версию меркантиз-

лизма. Буагильбер не только не разделял меркантилистского отождествления денег и богатства, но и в полемическом задоре пришел к полному отрицанию социальной полезности денег. В контексте нашей темы данное обстоятельство делает его фигурой в какой-то степени дискуссионной. Как ни странно, к антимонетаристскому нигилизму Буагильбер пришел благодаря своему не до конца преодоленному меркантилизму.

Дело в том, что Буагильбер латентно разделял меркантилистский тезис об искусственной природе денег, согласно которому деньги – это *полезное установление* людей, а не объективно сложившийся социальный институт вроде брака, семьи, частной собственности и т. п. Буагильбер просто перевернул исходный тезис меркантилизма и стал рассматривать деньги как *порочное*, патологическое установление. Поскольку всякое дело рук человеческих распадчиво, то деньги могут и должны быть отменены. Порочность денег, по Буагильберу, заключается в том, что они искажают обмен товаров по *истинной* стоимости, т. е. по количеству затраченного на их производство труда.

Более того, деньги, произвольно завышая рыночную стоимость одних товаров и занижая рыночную стоимость других, нередко дезориентируют хозяйствующие субъекты в части соблюдения ими своих собственных интересов. Предвосхищая взгляды Адама Смита, Буагильбер полагал, что, следуя исключительно собственным интересам, люди, совершенно

не заботясь об этом, создают «всеобщее благо»[35]. Последнее, по мысли Буагильбера, с экономической точки зрения совпадает с общественным богатством, которое включает все многообразие полезных вещей и предполагает пользование «хлебом, вином, мясом, одеждой, всем великолепием сверх необходимого»[36].

Тем самым Буагильбер сформулировал антимеркантилистскую и антимонетаристскую концепцию социального богатства. Примечательно, что для юриста Буагильбера вовсе не юридический *титул* собственности на землю или на определенное количество денежной массы является ведущим при определении сущности богатства, а *фактическая* масса того, что теперь принято называть продуктами первой необходимости. Другими словами, общество богато лишь в той степени, в которой люди, его составляющие, располагают продуктами первой необходимости в количестве, достаточном для того, чтобы не только выживать, но и совершенствовать социальные связи.

С другой стороны, как раз *юридическая* перспектива оказалась весьма плодотворной и позволила Буагильберу впервые во Франции сформулировать то, что можно назвать синаллагматической, или взаимообязывающей, теорией экономического обмена. Содержание этой теории сводится к тому, что рыночные отношения приобретают истинно эконо-

---

[35] Ядгаров Я. С. Указ. соч. – С. 91.

[36] Ядгаров Я. С. Указ. соч. – С. 91.

мический смысл лишь в терминах национального дохода. При таком подходе «расходы одних людей – это одновременно доходы других»[37]. На наш взгляд, здесь Буагильбер весьма изобретательно перевел в экономическую плоскость базовый юридический принцип формального равенства (в данном случае речь идет о равенстве экономического статуса потребителя и производителя).

Юридический склад ума заставляет Буагильбера любые экономические факты проверять на соответствие критериям **симметричности** и **пропорциональности.** Отсюда представление Буагильбера о том, что макроэкономическая система стремится к равновесному состоянию или – что то же – что национальный рынок по естеству стремится к ценам рыночного равновесия. В свою очередь, цены рыночного равновесия являются лишь отражением определенных *пропорций* общественного *производства.* Буагильбер латентно исходил из идеи экономического роста и полагал, что именно свободная конкуренция позволяет – в терминах Огюста Конта – в *динамике* самовозрастания общественного богатства сохранять *статику* пропорций между отдельными секторами сельскохозяйственного и мануфактурного производства.

В отличие от других – прежде всего британских – классиков политической экономии Буагильбер уделял особое внимание потребителю. Впрочем, потребитель его интересовал не сам по себе, а как носитель определенной функции. По

---

[37] История экономических учений / Под ред. В. Автономова… – С. 75.

мысли Буагильбера, именно потребитель может и должен выполнять функцию охранителя пропорций общественного производства. В творчестве Буагильбера тема потребителя приобрела социальное звучание потому, что низшие слои общества по необходимости представляют собой потребителей *par excellence.* У них просто нет возможности делать какие-либо существенные сбережения, даже если они стремятся к этому.

Напротив, состоятельным слоям общества всегда удается сберечь часть своего годового дохода и тем самым частично обездвижить взаимный поток товаров и услуг. Этим они препятствуют соблюдению пропорций при товарном обмене и замедляют скорость оборота денежных средств. В результате нераспределенной оказывается та часть уже произведенного общественного богатства, которую можно было бы приобрести на т. н. сбережения состоятельных слоев общества.

В этой части Буагильбера можно признать родоначальником последующих теорий недопотребления от Мальтуса и Сисмонди до Маркса и Розы Люксембург. Отсюда призывы Буагильбера перераспределить налоговое бремя таким образом, чтобы бедные слои населения могли увеличить свою долю потребления продуктов первой необходимости и, следовательно, снизился уровень диспропорции между сферой производства и сферой потребления, которая возникает ввиду склонности состоятельных классов произвольно и на неопределенное время изымать часть денежной массы из те-

кущего оборота.

Выводы для теории права и правовой политики

Буагильбер первым стал защищать то, что теперь называют «права потребителей». Фактически он признавал формальное равенство потребителя (покупателя) и производителя (продавца). Принцип равенства потребителя и производителя можно сформулировать следующим образом: каждый экономический агент, выступающий в качестве потребителя (покупателя) на национальном рынке товаров и услуг, одновременно имеет право на этом же рынке выступать в качестве производителя (продавца) товаров и услуг.

Но еще более важна зеркальная трактовка этого принципа: **каждый производитель и, соответственно, продавец на рынке товаров и услуг обязан стать потребителем и, соответственно, покупателем на этом же рынке.**

Тезис Буагильбера о том, что потребление фактически является функцией производства, заставляет переосмыслить финансово-правовой статус потребителя. В частности, с точки зрения здравого смысла необходимо юридически выделить статус **«потребителя продуктов первой необходимости» в качестве экономического агента,** устанавливающего пропорции или по крайней мере снижающего диспропорции между сферой производства и сферой потребления.

§ 5. Школа физиократов и ее значение для теории публичного права

Физиократы занимают особое место в истории экономической науки. Во многом это связано с тем, что они создали первую в мире научную *школу* экономистов, даже «секту», как позднее не без оснований назовет ее Анн Робер Жак Тюрго. Главой этой школы был ее основатель и непререкаемый лидер Франсуа Кенэ (1694–1774 гг.). Эволюция школы весьма необычна и свидетельствует о том, что источником экономического учения может быть не только юриспруденция (П. Буагильбер), не только опыт финансовых спекуляций (Р. Кантильон), но даже специфическая смесь деизма и (sic!) медицины. Дело в том, что Франсуа Кенэ был прежде всего выдающимся врачом, ставшим сначала личным медиком госпожи Помпадур, а затем и лейб-медиком короля Людовика XV.

Почти на закате жизни Кенэ заинтересовался сначала философией, а затем и сельским хозяйством. Как теоретик Кенэ уступает и Буагильберу, и Кантильону. Однако в отличие от двух последних он был фаворитом короля, что не могло не способствовать распространению «физиократизма» в высшем обществе. Новое экономическое учение воздействовало на умы современников не столько в качестве научной дисциплины, сколько в качестве модного мировоззрения, свое-

образной сельскохозяйственной версии деизма.

Следует признать, что ассоциативная связь учения физиократов с модным мировоззрением эпохи Людовика XV в конечном итоге оказалась фатальной для будущих судеб «физиократизма» на континенте. В результате первая во всем мире школа экономистов канула в Лету вместе с другими модными штучками эпохи мадам Помпадур. Во всяком случае, последующие выдающиеся французские экономисты истоки своей науки искали за Ла-Маншем, а не у себя на родине.

Оригинальность Кенэ заключается в том, что он гениально применил метод экстраполяции, перенеся в область хозяйственных явлений свои знания о системе кровообращения в организме человека. В своей знаменитой «Экономической таблице» (1758 г.) Кенэ наглядно демонстрирует обращение богатств, в частности стремится доказать, что от этого обращения зависит ежегодный доход каждого отдельного человека. Вообще научный метод Кенэ во многом совпадает с методом аналогий. Как здоровье человека почти во всем зависит от естественных законов саморегуляции, так и хозяйственная жизнь развивается по своим природным законам и подвластна физиократии, т. е. «власти природы». Другими словами, в области хозяйственных явлений, как и в медицине, действует принцип «Не навреди!».

Не надо мудрствовать – так учит физиократизм – в тщании изобретать различные способы преумножения богат-

ства, как это делали кольбертисты во Франции, все это бесполезно. Надо только внимательно исследовать *природу* хозяйственных явлений, и тогда станет ясно, что Бог предписал хозяйственной жизни порядок естества, природы. Никакие человеческие установления не в состоянии этот порядок изменить, они могут только на время исказить его, всегда во вред индивиду и обществу. В природе вообще и в природе хозяйствования в частности врач-деист Кенэ лицезрел соприсутствие Духа Господня. По слову же апостола Павла, «Господь же Дух есть, а идеже Дух Господень, ту свобода» (2 Кор. 3:17). Физиократы могли бы продолжить эту евангельскую максиму: «а также благополучие людей и общественное благосостояние».

Следовательно, физиократия предполагает экономическую свободу, а меркантилизм, особенно в версии кольбертизма, подавляя эту свободу, противится физиократии, т. е. противится естеству. Для Кенэ практический кольбертизм представляет собой нечто вроде бестолковых действий комедийного «врача», который женщину может лечить от простатита, а мужчине может по ошибке прописать лекарство для регуляции месячного цикла.

Другими словами, кольбертизм лечит от болезни, которая противоречит естеству, природе «больного». Содержание физиократии и экономики вообще Кенэ сводит к следующей формуле: «Совершенство хозяйственной жизни состоит в том, чтобы при наибольшем сокращении расходов по-

лучить наибольшее приращение выгоды»[38].

Физиократы первыми среди экономистов возвели на высокий пьедестал принцип **здравого смысла.** Естественный порядок с точки зрения здравого смысла – порядок, наиболее выгодный для человеческого рода. Разумеется, каждый индивид, руководствуясь своим здравым смыслом, преследует прежде всего свои частные интересы. Однако именно этим он сообразует свое поведение с естественным порядком. При этом физиократия, или естественный порядок, не является нецивилизованным порядком «добрых дикарей» в духе Ж.-Ж. Руссо. Физиократия – это совокупность социальных институтов (частная собственность, семья, право наследования), обеспечивающая воспроизводство и справедливое распределение общественного продукта.

Будучи деистами, физиократы были зачарованы идеей Перводвигателя, который все запускает в ход, а затем самоустраняется. Функцию Перводвигателя, или первой причины, в рамках учения физиократов стал выполнять т. н. чистый продукт *(produit net).* Главную характеристику чистого продукта, в которой также кроется «тайна» его самовозрастания, четко сформулировал в своем письме к Ж.-Ж. Руссо активный пропагандист «физиократизма» маркиз О. Г. Мирабо.

Так, он пишет: «…увеличение продуктов может произойти лишь в том случае, если они обладают качеством “блага”,

---

[38] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 23.

а это их качество как “блага” проистекает из их способности быть меновой стоимостью, а их меновая стоимость – из того, что они являются предметами потребления».[39]

Из идеи круговорота (цикла обращения) всех благ берет свое начало не только (оптимистическое) учение Адама Смита, но и (пессимистическая) доктрина Мальтуса, который первый попытался сформулировать апокалипсическую идею антропогенного пресса на ресурсы планеты.

По аналогии с физиократами центральной проблемой хозяйственной жизни Мальтус считал способность человечества соразмерять свое возрастание с производительной силой природы, прежде всего в области сельского хозяйства. Как бы то ни было, именно «физиократы думали сделать открытие, что чистый продукт существует только в одной категории производительных операций, а именно в земледелии».[40] Впрочем, на приоритетность земли как фактора производства и сельского хозяйства указывали и раньше. Мы видели, как эту же мысль, правда с меньшим фанатизмом, высказывал Р. Кантильон.

У того же Кантильона физиократы позаимствовали идею о трехклассовой структуре общества. Вслед за Кантильоном Кенэ подразделял общество на три категории лиц: (1) производительный класс, (2) класс собственников и (3) бесплод-

---

[39] Correspondance générale de J. J. Rousseau / Ed. N. Dufour. 1932. Vol. XVII. – P. 177–178.

[40] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 25.

ный класс. При этом к производительному классу он относил всех лиц, занятых в сельском хозяйстве, к классу собственников он причислял землевладельцев, включая духовенство, а к бесплодному классу – всех лиц, занятых в городской промышленности, включая сферу услуг.

В этой классификации общества для современного читателя необычны несколько моментов. Во-первых, бросается в глаза явное отступление физиократов от здравого смысла в том, что они считают «бесплодными» все промыслы и профессии, предоставляющие товары и услуги *несельскохозяйственного* профиля. Это в значительной степени связано с двумя основными пороками физиократизма, о которых мы подробнее будем говорить ниже.

Во-вторых, в этой классификации неявно закрепляется особое положение класса земельных собственников. Приоритет экономической функции этого класса над функциями других является весьма дискуссионным.

Как бы то ни было, статус собственника в контексте общественного разделения труда плохо согласуется с основополагающими принципами права, в частности с принципом римского права *"do ut des"* («даю, чтобы и ты дал»). Однако физиократы отводят земельным собственникам роль – ни много ни мало – социальных посредников между производительной (божественной) силой Природы и прочими социальными классами. Эта теоретическая аберрация физиократов имеет глубокие мировоззренческие причины, к которым

мы переходим.

Основные пороки физиократизма, лежащие в основе двух вышеуказанных нелепиц, сводятся к следующему. Во-первых, физиократы в полном соответствии с Библией воспринимали человеческий труд как «проклятье, кару» за богоотступничество прародителей. Соответственно, приемлемое ныне понятие «благородный труд» им представлялось внутренне противоречивым высказыванием: всякий труд есть просто необходимость, а не «радость». Следовательно, только праздный (в макроэкономическом смысле) класс земельных собственников, а не трудовой или предпринимательский классы населения могли стать проводниками и защитниками естественного порядка.

Нравственное грехопадение первочеловека не могло затронуть естественных законов физического мира. Мир остался «Божьим» и после грехопадения Адама. Таким образом, именно тот, кто НЕ трудится, следует естеству, установленному Богом, а тот, кто трудится «в поте лица своего», следует стигме Божественного проклятия в адрес Адама и Евы.

Все эти физиократические постулаты находятся в рамках ветхозаветного христианства. Но главные аспекты физиократизма, скорее, носят гетеродоксальный, альтернативный характер. Более того, физиократизму был присущ даже еретический пафос, который в какой-то степени заключался в смутной вере физиократов в то, что именно через свободу

хозяйственной деятельности человек может присоединиться к чистоте и блаженству восприятия мира. Ведь мир не изменил своей функции: он остался миром, созданным для людей и после грехопадения.

Во-вторых, физиократы отождествляли понятия «богатство» и «дар». Как ни странно, смысл учения физиократов, на наш взгляд, более удачно объяснить при помощи этимологии русского слова «БОГатство», чем французского *produit net* («чистый продукт»). Этимология русского слова «богатство» по определению презюмирует, что носителем «богатства» может быть лишь человек, «Богом допущенный» к владению чем-либо.

Таким образом, идея богатства тесно связана с идеей бого-избранничества. Эту мысль, как известно, раньше физиократов активно эксплуатировали протестанты. Однако при такой концепции мира и естественной хозяйственной деятельности трудно было обойтись без патерналистского класса, состоящего из просвещенных деспотов всех уровней, начиная от короля Франции и заканчивая мелкими провинциальными землевладельцами. Именно этот класс – якобы стоящий над пристрастиями и партикуляризмами двух других классов – становится хранителем и распределителем «чистого продукта», который, по мысли физиократов, создается вовсе не трудом самим по себе, а Природой «с помощью труда»[41].

---

[41] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 31.

Для юриста особенно интересно, что класс землевладельцев физиократы считают не столько привилегированным, сколько право *обязанным* классом, т. е. классом, состоящим из носителей таких прав, которые одновременно являются обязанностями в другом отношении. Так, в круг правообязанностей землевладельцев входит:

(1) введение в сельскохозяйственный оборот новых земель посредством добавочных инвестиций;

(2) выполнение функции «социальных экономов», отвечающих за распределение общественного богатства;

(3) реализация своего фактического богатства посредством соответствующих расходов, чтобы обеспечить доходами неземлевладельческие слои общества;

(4) уплата налогов (об этом подробнее ниже);

(5) патерналистская защита фермеров.

Поразительным отступлением от здравого смысла и, следовательно, от законов естественного порядка является тенденциозная уверенность физиократов в том, что «чистый продукт» – это «природный дар», в создании которого никто не участвует и который принадлежит *исключительно* классу землевладельцев. Даже фермеров (в классификации физиократов это единственный производительный класс), без труда которых «чистый продукт» не может возникнуть в достаточном для общества количестве, физиократы не рассматривают как естественных долевых участников «природного дара».

Другими словами, весь общественный капитал в узком смысле, т. е. как Марксова прибавочная стоимость, предназначенная для инвестиций в основные фонды производства, удерживается классом землевладельцев, и это, по мнению физиократов, не только правильно, но и справедливо. Производительный и бесплодный классы вынуждены довольствоваться лишь *увеличением* заказов на товары и услуги со стороны землевладельцев. Только косвенно, лишь посредством возрастания расходов землевладельцев другие классы могут увеличивать свои доходы.

Физиократы, не применяя понятие «капитал», создали первую теорию капитала. Если меркантилисты, как правило, отождествляли капитал и деньги, то Кенэ считал, что деньги сами по себе представляют бесплодное богатство, которое ничего не производит. Выше мы видели, что родоначальник английской политэкономии Вильям Петти (1623–1687 гг.), умерший за семь лет до рождения Кенэ, придерживался иного мнения по поводу «бесплодия» денег, но для Франции, имевшей опыт кольбертизма, радикальный антимонетаризм – дело обычное. Мы встречали этот радикализм еще у П. Буагильбера. Однако антимонетаристский радикализм не помешал Кенэ развить теорию о структуре капитала в его знаменитой «Экономической таблице».

Здесь Кенэ различает «первоначальные авансы» (в современной терминологии – основной капитал) и «ежегодные авансы» (оборотный капитал). При этом в первоначальные

авансы он включает различные сельскохозяйственные орудия, рабочий и производительный скот, т. е. все то, что может применяться в хозяйстве как минимум несколько лет или даже десятилетия. Напротив, в ежегодные авансы он включает затраты на семена, корма, заработную плату батракам и другие затраты, имеющие краткосрочный характер (до одного года).

Из совокупности трех идей – (1) *оборота* богатства, (2) *классовой* структуры общества и (3) устойчивой *структуры* капитала – Кенэ выводит суммарную идею *общественного воспроизводства*. Здесь физиократы доводят до логического завершения мысль П. Буагильбера о необходимости *прогнозирования* и *соблюдения* экономических *пропорций* в структуре народного хозяйства. При этом Кенэ подчеркивал, что «воспроизводство постоянно возобновляется издержками, а издержки возобновляются производством»[42]. Таким образом, к началу нового цикла класс собственников получает «чистый продукт» года, а производительный и бесплодный классы имеют все необходимое для продолжения своей хозяйственной деятельности.

По не вполне понятным причинам физиократы отказались в рамках своего учения развивать теорию ценности, или стоимости. Это тем более странно, что развитая теория ценности содержится в учении Р. Кантильона, которого они считали «своим». Вместе с тем физиократы делают порой зага-

---

[42] Ядгаров Я. С. Указ. соч. – С. 98.

дочные высказывания по поводу процесса *ценообразования*. Однако концепция ценообразования у них не является развитой и выполняет, скорее, подчиненную роль по отношению к теории *богатства*. Так, Кенэ является автором весьма загадочной сентенции: «Изобилие и дешевизна не составляют богатства. Недостаток и дороговизна означают бедность. **Изобилие и дороговизна создают богатство»** [43].

По логике современной классической «экономике» *изобилие* вообще не может быть предметом экономической науки, которая вроде интересуется только т. н. дефицитными продуктами. *Дешевизна* же плохо совместима с природой финансового капитализма с его кредитными механизмами. Кроме того, дешевизна символизирует относительную неразвитость торговых отношений и – как следствие – количественную и качественную скудость ассортимента товаров.

Таким образом, по Кенэ общественное богатство, т. е. благосостояние, в котором *теоретически* могут участвовать все классы общества, одновременно предполагает изобилие товаров и услуг на рынке и *такую* рыночную цену этих товаров, которая *существенно* превышает стоимость производства. Последняя, по мысли физиократов, всегда складывается из издержек. Похоже, что Кенэ не считал *редкость* товара или услуги тем элементом, который конституирует *высокую* рыночную цену данного товара или услуги.

Быть может, Кенэ просто опередил свое время, поскольку

---

[43] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 26.

мы знаем, что в современном обществе потребления XXI века затоваренность рынка отнюдь не препятствует действию инфляционных механизмов. Однако вопрос о том, ведет ли такое положение вещей к общественному богатству (как полагал Кенэ и как лукаво думают современные финансисты), остается открытым для дискуссии (об этом мы ниже еще будем говорить).

Одной из наиболее характерных черт физиократической системы является теория **единого налога. В** контексте современного налогового государства, основанного на диаметрально противоположном принципе *множественности налогов*, учение физиократов о едином налоге может показаться утопичным. Однако концепция единого налога логическим образом вытекает из физиократического мировоззрения.

Хотя государство, по мнению физиократов, не должно быть интервенционистским и не должно вмешиваться в естественный порядок экономической жизни, оно сохраняет за собой (1) правоохранительную и (2) просветительскую функции. Кроме того, государство должно строить дороги, чтобы помогать свободному передвижению по стране товаров и услуг. Следовательно, государство нуждается в некоторых ресурсах.

В равновесной системе экономических транзакций, продемонстрированной в «Экономической таблице» Кенэ, представители только одного класса без ущерба для сво-

их социально-экономических обязательств могут выполнять функцию налогообязанных лиц. Речь идет о классе землевладельцев, своеобразных «держателях дара» Природы в форме чистого продукта.

Другими словами, только из чистого продукта можно произвести *разумные* изъятия в виде государственного налога. Только в чистом продукте содержится прирост общественного богатства, остальные части «поглощаются на возмещения затрат или на содержание земледельческих или промышленных классов»[44]. Если бы налог падал на эту часть общественного богатства (на доходы земледельцев и предпринимателей), то такая налоговая политика постепенно привела бы к истощению национального достояния.

Однако совсем не опасно подвергнуть налогообложению *новую* часть богатства, еще не интегрированную в равновесную систему взаимных транзакций, где – по Буагильберу – расходы одних лиц составляют доходы других. Как только прибавочная часть общественного богатства поглощается системой пропорциональных цен, она навсегда вливается в вечный кругооборот взаимных «расходов – доходов». С этого момента уже поздно делать какие-либо изъятия из прибавочной части общественного богатства. Любое такое изъятие будет порождать цепную реакцию («эффект домино»), провоцируя длинную цепь неплатежей, банкротств и в конечном итоге сокращение уровня и качества хозяйственной

---

[44] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 42.

активности.

Разумеется, изъятия остаются изъятиями. Однако сокращение чистого продукта, произведенное *до* указанного момента полной интеграции прибавочного богатства в равновесную систему пропорциональных цен, приведет лишь к уменьшению *возрастания* совокупного объема товаров и услуг. Однако поскольку мы имеем дело с *глобальным* и к тому же *незначительным* замедлением *роста* предоставления товаров и услуг, практически никто не заметит тягот такого налогообложения.

Иначе говоря, налог, падающий только на годовой доход землевладельцев, по мнению физиократов, наиболее безопасен для экономической системы. Два других класса вообще его «не почувствуют», ибо замедление роста *личного* благосостояния психологически доступно лишь для ограниченного числа лиц, индивидуальные переживания которых не являются репрезентативными для психологии их классов. Единственно возможное переживание на уровне двух неземлевладельческих классов можно свести к тривиальной формуле «Я подозреваю, что мое благосостояние в этом году растет не так быстро, как я надеялся».

Что касается класса земельных собственников, то их налоговая ответственность является просто еще одной право-обязанностью, или компетенцией. Мы видели выше, что привилегия землевладельцев без участия других классов пользоваться чистым продуктом является оборотной сторо-

ной их функции как хранителей этого продукта, т. е. в конечном итоге как гарантов роста общественного богатства. Интересно, что физиократы, защищая идею единого налога, невольно применяли аргументы, которые позднее станут весьма грозным оружием социалистов.

Так, физиократы полагали, что «доходы земледельческого и промышленного классов несжимаемы, так как они представляют необходимый минимум издержек производства»[45]. Другими словами, нельзя эти классы делать налогообязанными, поскольку, как отмечает Кенэ, «наемная плата и, следовательно, средства продовольствия, которые могут добыть себе наемники, устанавливаются и низводятся жестокой между ними конкуренцией до весьма низкого уровня»[46]. Отсюда берет свое начало т. н. железный закон заработной платы, согласно которому социальные реформаторы, что бы они ни делали, не могут переломить **«естественного стремления» заработной платы к т. н. прожиточному уровню.**

Физиократы впервые – фактически в терминах здравого смысла – сформулировали необходимые условия налогообложения:

– налоги должны взиматься непосредственно с источника дохода;

– налоги должны находиться в известной и согласованной

---

[45] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 45.

[46] Там же. – С. 45.

пропорции с этим доходом.

Из *последователей* физиократической школы следует отметить А. **Р.** Ж. **Тюрго** (1727–1781 гг.). Впрочем, на ряд проблем он придерживался иной точки зрения и в зрелый период жизни предпочитал дистанцироваться от «секты» Кенэ. Известные французские экономисты и исследователи истории экономических учений Ш. Жид и Ш. Рист даже полагают, что Тюрго можно назвать «лишь наполовину физиократом»[47]. В какой-то степени это связано с политической карьерой Тюрго, который при Людовике XVI в течение полутора лет (1744–1745 гг.) занимал пост генерального контролера финансов.

Вероятно, королевский министр, последовательно проводивший политику развития французского капитализма, не хотел давать повода своим многочисленным врагам причислять его к носителям мировоззрения, возникшего еще в правление прежнего короля и утратившего при новом монархе популярность в светских кругах. Однако в своем научном творчестве и в своей политике Тюрго воспроизводит многие постулаты физиократов. Так, он был безусловным сторонником экономической свободы, в частности резко осуждал протекционистскую политику: «Общая свобода покупки и продажи является единственным средством обеспечить, с одной стороны, продавцу – цену, способную поощрить производство, с другой – покупателю – наилучший то-

[47] Там же. – С. 48.

вар по наименьшей цене»[48].

Во многом взгляды Тюрго более близки к взглядам Адама Смита, а в некоторых аспектах он даже предвосхищает идеи будущей маржиналистской революции. Так, «В размышлениях о создании и распределении богатства» (1766 г.) на примере мелиорации земли Тюрго фактически приходит к идее предельной полезности капиталовложений. Тюрго анализирует следующую ситуацию: если к определенному участку земли последовательно прикладывать равные порции капитала, то графически эффект этих капиталовложений можно изобразить в виде выпуклой кривой. Другими словами, сначала капиталовложения будут давать нарастающую отдачу, а затем эффект инвестиций начнет неуклонно снижаться вплоть до нулевой отметки. Согласно Тюрго, *«нельзя допустить, что двойные затраты дают двойной продукт»*[49]. Таким образом, Тюрго можно назвать предшественником маржиналистской теории в части управления финансами.

Выводы для теории права и правовой политики

Основным масштабом новой науки физиократы избрали критерий **здравого смысла.** Мы видели, что они не всегда

---

[48] Тюрго А. Р. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1961. —С.69.

[49] Жид Ш., Рист Ш. Указ. соч. – С. 123.

были последовательны в применении данного критерия, но их вера в разумность естественного порядка заставляла подвергать критике со стороны здравого смысла всякое человеческое установление или проект. Именно здравый смысл, на наш взгляд, подсказал Кенэ идею о вечном вращении общественного богатства, о взаимной обусловленности издержек и доходов и т. п.

Следует отметить концепцию физиократов об особом статусе собственника, который по преимуществу является **правообязанным** лицом. Самое интересное в этой концепции то, что физиократы впервые в истории соединили институт частной собственности с обязанностями **публично-правового** характера. В лице землевладельца мы встречаемся не только с представителем контингента лидирующих потребителей, или законодателей моды, стиля и ассортимента потребления (в духе Буагильбера). Землевладелец, по мысли физиократов, является защитником и представителем публичных интересов, он должен *таким* образом расходовать «чистый продукт», чтобы обеспечить постоянное возрастание того, что теперь называют «валовым национальным продуктом».

Другими словами, землевладелец должен обеспечить не только рост собственного потребления, но и возрастание совокупного объема товаров и услуг, прежде всего посредством инвестиций в сельское хозяйство. В известном смысле можно утверждать, что от физиократов берет свое начало

идея об обязывающей собственности. Так, абз. 2 ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г. гласит: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу».

Физиократы первыми показали прямую связь между эффективностью публичной власти и ее способностью к мобилизации финансовых ресурсов населения в публично-правовых целях. Одна из книг маркиза Мирабо – любимого ученика Кенэ и плодовитого писателя – начинается обращением к главе государства. Это обращение к королю Франции, датируемое 1759 г., ничуть не утратило своей актуальности: «Государь, у Вас в наличии около 20 миллионов подданных. Все эти люди имеют какие-то деньги. Все они так или иначе способны сослужить Вам службу, которую Вы от них требуете, но всякий раз Вы сталкиваетесь с тем, что уже не можете получать услуги, не имея денег, ни деньги, чтобы платить за услуги. Это означает, говоря простым языком, что Ваш народ – не замечая этого – обособляется от Вас»[50]. Отсюда можно сделать вывод, что финансовое право – в отличие от современного налогового права – не может и не должно претендовать на статус односторонней публично-правовой отрасли, которая только предписывает изъятие средств у населения, но не указывает цель и не гарантирует эффективность использования этих средств.

Некоторые постулаты физиократов, считавшиеся аксио-

---

[50] Mirabeau H. G. Op. cit. – P. 1.

мой среди классиков политической экономии, со времен Сисмонди подвергаются критике. Так, в современных условиях периодического затоваривания потребительского рынка не столь убедительной кажется аксиома физиократов о том, что главной «проблемой политики правительства является увеличение чистого продукта»[51]. Во многих случаях «главной проблемой политики правительства» – как убедительно показал Сисмонди (см. ниже) – должно быть увеличение не чистого дохода, а *валового* внутреннего продукта нации, ибо интересы барыша далеко не всегда соответствуют интересам общества как такового.

Для теории финансового права имеют значение даже **ошибки** и промахи физиократов. Одну из этих ошибок затем неизменно будут «разрабатывать» представители ортодоксальной экономической науки. Речь идет об окончательном придании термину **«богатство»** центрального статуса среди других объектов экономического исследования. Физиократы, а затем и классики, не придавали значения тому, что слово «богатство» ввиду его аморфности не может претендовать на статус научного термина. Сам Кенэ прекрасно продемонстрировал, что это слово хорошо сочетается лишь со столь же расплывчатыми представлениями об изобилии, дороговизне и бедности. Самым тяжелым для судеб экономической науки вообще и теории финансов в частности яви-

---

[51] Meek R. L. The Economics of Physiocrats. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1963. —P. 22.

лось то обстоятельство, что богатство, будучи коррелятивным, соотносительным понятием, в качестве своего полярного масштаба включает понятие бедности.

Другими словами, **любая теория богатства неизбежно презюмирует состояние бедности либо как исходный масштаб, либо как грозящую опасность.** Ведь идея богатства приобретает смысл только через идею бедности – и наоборот. Для того чтобы развивать теорию богатства, необходимо реально наблюдать бедность и, более того, *сохранять* бедность хотя бы в качестве т. н. идеального типа, отрицательного масштаба исследования. Будучи однажды принятой в качестве центрального понятия экономической науки, идея богатства контрабандой протаскивает в науку идеологические представления о неизбежности поляризации общества на богатых и бедных.

Апогеем этих представлений явилось учение Карла Маркса об «экономической непримиримости» классовых интересов. Идея камералистов о «состоянии счастья» (*ЫйскзГ^кеЬ)* мне представляется более продуктивной, но среди экономистов она долгое время оставалась невостребованной. Идея же богатства как исходный момент экономической науки со времени Адама Смита стала восприниматься как аксиома. Вероятно, она была заимствована им у доктора Кенэ и надолго предопределила развитие экономической науки по весьма дискуссионному пути.

Другим продуктивным недостатком учения физиократов

явилась вопиющая недооценка экономической функции **потребителя.** Мы видели, что изобилие товаров, по мысли Кенэ, должно сопровождаться дороговизной. Учитывая, что Кенэ раньше знаменитого определения Тюрго фактически вывел формулу «железного закона» заработной платы, можно предположить, что под «изобилием» понимается увеличение товаров для богатых и состоятельных, а дороговизна таких товаров может лишь означать, что богатых и состоятельных становится все больше.

Однако расширение класса *богатых* никак не может изменить участь *бедных* сословий. Более того, увеличение «верхних десяти тысяч» еще на одну тысячу и соответствующее расширение сектора товаров роскоши может происходить за счет перетекания части инвестиций из сектора производства товаров первой необходимости. Следовательно, физиократы надолго предопределили развитие экономической науки как науки о специальном производстве товаров и услуг для удовлетворения потребностей состоятельных слоев общества.

§ 6. Теория ценности Этьенна Кондильяка

Выдающийся французский философ аббат Кондильяк (1715–1780 гг.) с точки зрения экономической науки является автором одной-единственной книги, а именно неболь-

шого трактата под названием «Торговля и правительство». Кондильяк создал этот труд в возрасте 61 года, в 1776 г. В это время он уже пользовался широкой известностью как философ-сенсуалист и продолжатель «линии Локка» на европейском континенте. К этому времени Кондильяк опубликовал «Трактат об ощущениях» (1746 г.) и «Трактат о происхождении познания» (1746 / 1754 г.).

По иронии судьбы замечательная книга Кондильяка «Торговля и правительство» носит название, совершенно не соответствующее ее содержанию. На самом деле речь идет вовсе не о соотношении торговли и государственной власти, это трактат по политической экономии, который удивительным образом сочетает глубину мысли с лаконичностью и ясностью изложения. Быть может, неадекватностью названия объясняется тот факт, что экономисты обычно не ссылаются на это произведение французского мыслителя. Во всяком случае, авторы отечественных учебников по истории экономической мысли упоминают Кондильяка лишь вскользь[52] либо не вспоминают о нем вовсе[53].

Поскольку экономическое учение Кондильяка является логическим следствием его философии, нам следует сначала получить общее представление о сенсуализме и характерной для него методологии. Аксиомой сенсуализма является тезис о том, что всю совокупность психической жизни чело-

---

[52] История экономических учений / Под ред. В. Автономова…

[53] Ядгаров Я. С. Указ. соч.

века можно объяснить исходя из первичных элементов этой жизни, т. е. из ощущений *(sensations)*. В известной степени Кондильяк предвосхитил методологический принцип Макса Вебера, который, как известно, разработал т. н. идеально-типический метод познания. «Идеальные типы» в методологии Кондильяка носят название «теоретических моделей».

Для демонстрации того, что сенсуализм лучше, чем рационализм (т. е. философия в духе Декарта, Спинозы и Лейбница), согласуется со здравым смыслом, Кондильяк смело применяет рискованные аналогии и подходы. Так, в качестве «теоретической модели» он избирает мраморную статую. Далее Кондильяк делает допущение, что статуя наделена органами чувств, и демонстрирует, как лишь на основании личного опыта статуя способна приобрести все человеческие способности.

На наш взгляд, наиболее интересные выводы в трактате «Торговля и государство» сделаны как раз с точки зрения такой «мраморной статуи», которая постепенно, «с чистого листа» приобретает навыки хозяйственной деятельности. Другими словами, отказ от предзаданных рациональных принципов позволил Кондильяку сделать несколько важных для экономической науки открытий, которые потом заново совершались уже «чистыми экономистами».

Итак, в основу своего трактата по политической экономии Кондильяк ставит соответствующую теоретическую модель (или своеобразную «мраморную статую») коллек-

тива, символизирующую некое человеческое сообщество. Этот коллектив сначала существует изолированно, а затем вступает в контакт с иными человеческими коллективами. При разрешении возникающих хозяйственных проблем гипотетическая «коллективная мраморная статуя» руководствуется приблизительными представлениями об изобилии *(¡'abondance),* чрезмерном изобилии *(la surabondance)* и недостатке *(la disette)* ресурсов, необходимых для выживания. Для простоты и ясности Кондильяк предполагает, что речь идет о количестве хлеба, необходимом для обеспечения жизнедеятельности коллектива.

При этом проблему ценности хлеба как конкретного блага Кондильяк формулирует как соотношение наличного количества блага с таким его количеством, которое необходимо для (будущего) потребления: «Если бы какой-либо коллектив людей [un peuple] мог точно оценить отношение наличного количества хлеба к количеству, необходимому для потребностей этого коллектива, то это известная величина позволяла бы ему с такой же точностью устанавливать состояние изобилия, чрезмерного изобилия и недостатка»[54]

---

[54] Condillac E. B. Le Commerce et le Gouvernement// Collection des principaux économistes. – R, 1847. Vol. 14. – P. 248.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.